

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ С ДЕНЗНАКАМИ

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Катерина.

Тимофей – ее муж.

Бабка – его мать.

Таня – дочь Катерины и Тимофея.

Михаил – муж Тани.

Сват.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Деревенская изба из трех комнат. В правой крайней, которая когда-то была «гостиницей» так и осталось несколько коек, стульев и тумбочек. Посередине жилая комната хозяев. Слева, отделенная только занавеской, комнатка Бабки.

За столом Тимофей и Сват. Видно, что сидят они давно и уже начинают тяготиться друг другом. Невидимая за печью, зло гремит посудой Катерина. Зима, время за полдень.

Сват. Нет, что ты тут мне не говори, а жить надо уметь. Уметь жить надо, вот в чем вопрос! Вот даже ты, к примеру. Умел бы жить, водились бы за тобой капиталы какие ни есть, так мы бы с тобой сейчас апельсинами,

лимонами или там сервелатами разными закусывали, а не этим грибочком поганеньким.

Тимофей. Где это ты увидел поганенький, одни грузди?

Сват. Это я к примеру, фигурально. Гриб, он что? Стоит себе под сосной или там другой какой растительностью, ничего не ожидая, и каждый дурак его даже на расстоянии сорвать может. А настоящая-то закуска, она под сосной не валяется. Поэтому я и говорю, что в деревне только тому и можно научиться, что грибки собирать с расстояния. А жить – нет! Жить ты тут как ни стремись, не научишься.

Тимофей. Значит, я к тому же еще и дурак выходит?

Сват. Это чего ж так на себя?

Тимофей. Грибки-то эти я собирал с «расстояния».

Сват. Ну, это тоже фигурально. Какая мне выгода тебя дураком объявлять, сам подумай? Свой же все-таки, как ни верти. Нет от дурости твоей мне никакой выгоды, так и передай.

Тимофей. Кому?

Сват. А всем, кто насчет дураков интересуется. Слышишь, сватья, твой-то как хотел повернуть, будто это я его в дураки записываю. Нет, сват, это не я, это сама жизнь показывает, кому в какую сторону. Слышь, сватья, он у тебя тут хоть газеты-то читает?

Катерина (входит). Да какие же нам тут, сват, газеты? Тут без газет не знаешь, чем поросят накормить. А он, только бабка пенсию получит, - давай бутылку, работы-то нет. А где ж их наберешься, на одной-то пенсии? Мне вот, правда, тоже скоро будет положено, только уж потом ему (*показывает кукиш*) вот, а не бутылочку!

Тимофей. Ну и что, раз в месяц? Что, от этого изба перекосится?

Катерина. Перекосится не перекосится, а комбикорм уже за сто стал, вот и подсчитай на досуге, когда уж совсем есть нечего будет.

Тимофей. Это кому?

Катерина. Сначала пороссятам, потом кошке, а потом и сам... газету читать завалишься.

Тимофей. Что это мне ее читать, если у нас сват такой умный? Если даже и не просишь, так все объяснит, лучше газеты всякой.

Сват. А ты б ехидничал-то поменьше, не в твоём это положении. Ты вот сидел да ехидничал, а я в это время молодым квартиру справил. Да не какую-нибудь там с замшелой уборной, а благоустроенную. По ранжиру, по закону-то, кто квартиру достать должен? Мужик, муж значит. Чтоб потом в нее не спеша бабу привести, жену значит. А я вот взял, да и наоборот устроил: дочке квартиру всучил, жене значит. А муж после этого как называется?

Катерина. Так он же работал, с тобой вместе.

Сват. А на чьих капиталах? Без моих-то денег-закупок как бы он работал, в какой должности?

Тимофей. *(вскакивает).* Ух ты!... *(Катерине.)* Помнишь, Анна рассказывала про свою племянницу в городе? И институт-то она закончила, и квартиру-то она имеет отдельную, и денег-то у нее чуть ли не на две машины, накоплено, а не берут! Она уж и белугой ревет и чуть ли не через радио зазывает, а все равно не берут! А где ж она найдет, когда там вся улица, весь город, считай, сидят все богатые да образованные, да только и делаю, что женихов зазывают. Вот она теперь какая жизнь-то у девок пошла. Нет, поторопился наш Федька, поторопился!

Катерина. Ну-ка сядь, разбегался!

Сват. Та-ак! Это значит...

Катерина. *(перебивает).* Не слушай ты его, сват! Как выпьет маленько, так и давай молоть чего ни попадя.

Тимофей. Встретил гостя дорогого! Уж перед ним и так и эдак, а ему – грибы поганые, дураком собранные, уборная замшелая, зять никудышный. И что я должен делать после этого, лыбиться да груздочков ему подсовывать, которые он тут же, на моих глазах, за поганок считает? Квартиру он

подарил! А сколько мы вам оброку, салом да мясом, переправили? Это не в счет по-твоему?

Сват. Салом да мясом теперь все прилавки завалены.

Тимофей. А невестами не завалены?

Сват. Погоди, это значит... Это что значит-то, сватья?

Катерина. Да что, что уже выше горла выпили! Уже не лезет больше, вот о чем попало и начинаете. Погоди-ка, стучат вроде. Точно – стучат. Чего будто в дом не зайти, или думают, что собака некормленная укусит? Так я ей только что в обед целую чашку комбикорма вынесла. Нет, все равно стучат! Где ж они поверят, пока им под нос не сунешь чашку эту самую.
(Выходит.)

За столом молчат.

Сват. Та-ак! Значит, поторопился, говоришь?

Тимофей. Конечно, поторопился. Если б не поторопился, так к нам бы сейчас новый сват приехал и чтоб ему на стол не поставил, ел бы, да помалкивал. А кое-что (*кивает на грибы*) так, может, еще и похвалил бы. Да не учил бы не сидел, а может, и поинтересовался, как мы тут живем не пропадаем, да чем поросят на оброк откармливаем.

Сват. Значит, поторопился, говоришь?

Тимофей. А то нет? С новым-то сватом мы б теперь уже в обнимку, да с песнями, а тут...

Сват. Вот из-за этого и погаснешь ты тут в своей темноте сам собой, как окурок недокуренный.

Тимофей. Вы только поглядите, какую он мне судьбу устроил! А может, выпьем за это?

Сват. За это – выпьем!

Тимофей. И водки своей не жалко будет?

Сват. За это не жалко!

Тимофей. Вот это, я понимаю, это как сват свату называется. Давай! Да смотри только не зацепи там гриб поганенький, лучше уж вот огурчиком, это не я собирал, а умный.

Входит Катерина, растерянно взглядывается в какую-то бумажку.

Катерина. Аж глаза разбегаются, пятнадцать... тысяч, что ли? Это к чему будто?

Тимофей. Письмо?

Катерина. Перевод. На деньги. И тебе. Откуда?

Тимофей. Ну-ка... (*Берет бумажку.*) Пятнадцать. И нули. Тысяч, что ли?

Катерина. Откуда?

Тимофей. И нули. Тысяч.

Сват. Чего там, привалило?

Тимофей (*отдает Свату*). Да вот, нули.

Сват. Совсем читать разучились, «бедные»?

Тимофей. А что?

Сват. Не видит он, запинается. Ребенку ясно – сто пятьдесят тысяч!

Тимофей. Чего, чего?

Катерина. Это как?

Сват. Это вы мне объясните, как. На грибочках они тут перебиваются.

Тимофей. Да это, наверное, копейками.

Катерина. Как копейками-то, все же в рублях бывает?

Тимофей. А теперь, наверно, в копейках стали. Чего там в рублях, а тут, видишь, нулей сколько.

Катерина. Сват?

Сват. Бланк настоящий, почтовый.

Катерина. А копейки?

Тимофей. Да кто нам в рублях – сто пятьдесят тысяч отвалит, сама подумай! Да еще тысяч!

Катерина. А сколько это будет, если копейками?

Тимофей. Сколько, сказали же – сто пятьдесят тысяч.

Катерина. Это копеек, а рублей?

Тимофей (*еще раз смотрит в бумажку*). Сколько... Полторы тысячи.

Катерина. Копеек опять, что ли?

Тимофей. Да что ты мне со своими копейками – рублей!

Сват. Ловко выходит. Я, значит, дочке на последнее, а они тут!...

Катерина. А может, деньги уже какие новые вышли, а мы и не знаем ничего?

Тимофей. Я и сказал сразу – рупь за копейку, опять счет на миллионы пойдет.

Катерина. Если по-старому полторы, так это что, три пенсии, что ли? Все равно не сходится. Да и бумага-то на тебя, при чем тут пенсия?

Сват. Это вы передо мной или... правда, не знаете?

Катерина. Откуда? Кто ж нам их... Про новые-то ты, сват, ничего не слышал?

Сват. Слышал. Как вы тут... Правда, что ли, не знаете?

Тимофей. Сам-то подумай: сто пятьдесят, да еще и тысяч, да еще мне, ха!

Сват. А за границей у вас никого?

Катерина. А кто? Верка, что ли? Так она в райцентре. В конторе, правда, сидит. Тьфу ты! Чего мы тут гадаем-то, она же сказала, чтоб скорей бежал, а у меня голова с нулями с этими...

Тимофей. Кто?

Катерина. Да почтальонка. Деньги, говорит, могут кончиться. А сама злая-презлая с чего-то. Беги давай, а то раз в жизни пришло, и то просидим тут, протелимся.

Тимофей. Да куда я побегу, сама-то подумай! Кто мне их, откуда и за что главное.

Катерина. Вот там все и узнаешь, беги!

Тимофей. Да перепутали, наверно, какую-нибудь букву в фамилии.

Катерина. А имя? Я же смотрела. Тэ. И. Беги давай.

Тимофей. Но смотри! Если только поднимут на смех!... Паспорт, наверно, надо?

Катерина. Сейчас. *(Ищет паспорт.)*

Тимофей. А может, еще и справки какие, чтобы мне не бегать обратно?

Катерина. А какие?

Тимофей. Я откуда знаю? Насчет налога там или что бабка еще живая.

Катерина. Налог платили. А бабка...

Сват. Бумага-то на тебя, увидят, наверно, что живой еще.

Катерина. Верно. Беги.

Тимофей. Да подстроил это все кто-то, чтоб на смех поднять, как я с мешком прибегу, будут потом три года пальцем тыкать.

Катерина. А вот если пришло да просидишь тут, так не три, а все тридцать три будут.

Тимофей. Тогда перепутали.

Катерина. Да это что ж такое-то! Другой бы сразу, сломя голову, да в припрыжку, а этот... Да это как же я только прожила-то с ним столько время! Это откуда же берутся-то такие? Это...

Тимофей. Давай, давай, дальше причитай, чтоб уж там до конца все деньги разобрали.

Катерина. Ну-ка, счас же, бегом, и чтоб ни у одного куста не остановился!

Тимофей. Ну, ладно! Но, если!...

Катерина. Сумку-то, сумку возьми!

Тимофей. Ага, может, еще и с тележкой бежать? *(Свату.)* Конверт, скажу, купить зашел, ну и заодно, мол, это посмотрите. *(Уходит.)*

Катерина. Так и не взял сумку. Это что ж такое, сват, ты-то как думаешь?

Сват. В лотерею никакую не играли?

Катерина. Вон моя лотерея побежала, на всю жизнь выиграла. Вот, вот теперь и пришло на ум: ваучеры-то, помнишь, давали, говорили-то ведь что как, - «Волга» будет?

Сват. Нашла о чем вспомнить.

Катерина. Это сколько ж теперь эта «Волга»-то стоит?

Сват. Тысяч полтора ста.

Катерина. Ну и вот! Если только не копейками, то копейка в копеечку!

Сват. Но бланк-то настоящий, и почтальон, не станет же она с вами шутки шутить. Выборы какие? Так зачем сто пятьдесят, тут за тысячу хоть за черта проголосуют. А может, вас купил кто?

Катерина. Это как?

Сват. Ну, землю вашу, может, и с народом вместе.

Катерина. А кто, кому мы нужны-то?

Сват. Может, золото какое нашли в земле или еще чего. а народ чтобы сразу же и копал и отправлял в Америку там или в Японию.

Катерина. Ничего не слыхала, какое тут золото? Да и если б купили, нам-то за что? Кто продавал – тому и деньги. Нет, тут только если ваучеры или перепутали. Или уж новыми деньгами пенсия.

Сват. Чего гадать – прибежит, расскажет.

Молчат.

Слышала, что твой-то заявил? Поторопился, дескать!

Катерина. Да не слушай ты его, сват, мало ли что он ляпнет?

Сват. Это в благодарность значит, за то, что я им квартиру. Притом за свои, кровные! Мне-то вот так не приходят невесть откуда.

Катерина. Может, еще, правда, копейками.

Сват. Что вы мне тут дурачка с копеечкой! Если б не приехал, да сам не увидел, так, не подозревая, и брал бы дочке-то квартиру, то машину как дурак набитый. А у них тут... Это если сто пятьдесят в месяц, сколько за год-то выйдет?

Катерина. Да ты ж только что видел, как мы сами ничего понять не можем.

Сват. А то вы не разыгрываете! Такую комедь с грибочком представите, что прослезись, да последние отдашь, что на дороге остались.

Сгорбившись и держась за бока, входит Тимофей.

Катерина. Ну? Что?

Тимофей (*почему-то осипшим полушепотом.*) Сумку дай.

Катерина (*тоже шепотом*). Зачем?

Тимофей. Деньги, зачем? Зачем еще сумки бывают?

Катерина. Принес, что ли? Сейчас. А у нас и кошелек никакого.

Тимофей. Да какой кошелек, мешок давай или сумку большую. Быстрей, и так кое-как донес. Может, и упало по дороге.

Катерина (*выносит сумку*). Вот...

Тимофей начинает доставать из карманов, из-под куртки, из-под шапки, из-под рубашки пачки денег. Катерина смотрит на него почти с ужасом.

Тимофей. Видишь, мелкими надавали.

Катерина. Это сколько ж их тут?

Тимофей. А я считал? Как начала кидать, аж в глазах зарябило. Фу, все вроде. Кое-как допер. Выпить-то у нас там осталось чего? давай, сват, ради такого дела я теперь хоть десять бутылок могу угостить.

Катерина. Ты давай рассказывай: какие деньги, откуда?

Тимофей (*выпив*). О, может, хоть в себя приду.

Катерина. Какие деньги-то?

Тимофей. Какие... Сама видела – бумажные. Вообще не знаю, какой дурак тут про копейки придумал.

Катерина. Ну, так откуда пришли-то?

Тимофей. Отдышаться дай. Тут все по порядку надо. Чего не пьешь-то, сват? Как знаешь, а я еще... (*Наливает, пьет*). Захожу, значит, а там толпа: бабы, мужики которые. И все на меня уставились. Бумажку отдал, она мне молчком другую, заполнил чтобы, а у меня и ручки нету.

Катерина. Да ладно ты со своей ручкой, деньги откуда? А то сват, вон, уже говорит, что это мы каждый месяц получаем.

Тимофей. А чего не получать? И еще бабкину пенсию! Ну и вот, ручки нету, а она мне тогда молчком свою через дырочку сунула. Начал писать, а руки не слушаются. А вся толпа исподлобья и тоже молчком. Кое-как написал, и как давай кидать пачки! Мне уж и неловко и уж охота «хватит» заорать, а она все кидает. Она кидает, а я их куда только можно сую скорей, чтоб на прилавке-то большая куча не скопилась. Уж и совать некуда, хоть в зубы бери, а она все кидает. И все смотрят. И все молчком. А я так на людей уже и глянуть боюсь... Дай-ка я еще чуть-чуть, а то как вспомню... (*Наливает, пьет*.) Фу! Вот они, сват, как деньги-то достаются!

Катерина. А кто там стоял, на почте-то?

Тимофей. А я заметил? Вообще все только пятнами видел. Ну и вот, последние, кое-как приладил под шапку на голове, пошел. Помаленьку так иду, осторожно, потому что зубы-то трясутся, а они все за мной на крыльцо. Пошел. Все сзади, а я один все дальше иду, и только снег под унтами «вжик-вжик». Они все там, а я все иду и все «вжик-вжик». Нет уж, больше я туда не ходок, в другой раз сама иди. И даже никто не поздоровался. И, главное, сам-то я как окаменел будто.

Катерина. Ну и... Тьфу ты, «вжик-вжик», ты мне скажи, откуда деньги, какие?

Тимофей. От Кольки, от кого ж еще-то? От сынка, что ли, получишь, сами сидят там сала дожидаются.

Катерина. От племянника, что ли?

Тимофей. А то от кого? Он даже написал там на другой бумажке.

Катерина. А где он сам взял столько? Откуда у него столько денег-то?

Тимофей. Откуда! Кольку не знаешь? Хоть с Луны, хоть с Америки достанет. *(Свату.)* Племянник мой. У нас и вырос, считай.

Катерина *(Свату).* Батьку-то его, брата Тимофеева, сначала лесинной задавило, а потом и совсем помер. А мать за другого вышла, в другую деревню. И Кольку с собой взяли. А он возьми, да снова сюда прибеги.

Тимофей. Да и жил где придется.

Катерина. Где?... Да у нас почти все время и жил.

Тимофей. Иногда и сами не знали где. Тут, честно признаться, от него вся деревня плакала.

Катерина. Не свой все-таки, сильно не прижмешь, а чуть что скажи против – убежит и с концами.

Тимофей. И в армию мы его проводили, все честь честью.

Катерина. И служил-то в каких-то этих, полосатых.

Тимофей. В десанте. Он же здоровый, да и дрался всю жизнь.

Катерина. А потом уж, после армии, попался, залетел.

Тимофей. Сюда и не заезжал даже, уже с тюрьмы написал. Ну, мы ему там посылоч сколько-то.

Катерина. Сколько-то? ... Да не сосчитать!

Тимофей. А теперь вот... Ну, Колька, объявился так объявился!

Катерина. Так уж и правда объявился. Ну, а нам теперь как?

Тимофей. Что?

Катерина. Ну с этим, с сумкой-то, куда их?

Тимофей. Куда... Солить будем.

Катерина. Ну так правда сразу и не сообразишь ничего.

Сват. Та-ак! От Кольки значит. Копеечки пришли.

Быстро, запыхавшись входит Бабка.

Бабка. Вы тут какие миллионы в избу таскаете?

Катерина. О, а ты откуда же?

Бабка. Откуда вам! Вся деревня на ушах стоит. Одни говорят – кое-как на спине уволок, а другие кричат, брешете, он с тележкой приходил, да не тележке увез. Это что ж вы тут только устроили-то?

Тимофей. На какой еще тележке?

Бабка. Не знаю на какой, с конем или сам привез, а только если б один кто сказал, а то ведь все как есть в один голос. Э, что ж вы тут вытворяете-то?

Катерина. И правда. Их надо было притащить, чтоб ни кот, ни кошка не узнали, а мы... (*Тимофею.*) Так на виду у всей деревни и перся?!

Тимофей. А я что тебе, сквозь землю должен был провалиться?

Катерина. Ну так подождал бы, хоть когда стемнеет.

Тимофей. Видишь, сват? На пинках меня из дома вынесла, а теперь зачем торопился, кричит.

Катерина. Ну так все равно надо было как-то...

Тимофей. Как? Хоть бы я задом шел, хоть боком, хоть ползком извивался, а куда денешься-то?

Бабка. Так откуда какие деньги-то?

Тимофей. А! денег-то, больше разговору, еще и мешка не будет.

Бабка. Ну так если немного, чего ж они тогда все как с ума посходили, пошто они все враз закричали-то?

Катерина. Что ж нам теперь и перевод нельзя сходить получить на почте?

Бабка. Ну так сходи, получи, деньги в карман потихоньку, или там в тряпочку, да и домой. А зачем еще по всей деревне с тележкой бегать?

Тимофей. Да какая к черту тележка, у меня даже сумки не было.

Бабка. А зачем тебе сумка? Паспорт взял да и сходил.

Тимофей. Зачем...

Бабка. Что за деньги-то, пособие, что ль, какое?

Тимофей (*быстро вносит сумку и ставит ее перед Бабкой*). Зачем, зачем... Вот зачем! Вот твое пособие, теперь и сам ему не рад будешь.

Катерина (*Бабке*). Колька прислал, племянник-то. Да не рассчитал, видно, по пьянке.

Бабка. Так, а что это будто сумка-то?

Тимофей (*вынимает пачки*). Вот, вот что!

Бабка. А чего это запечатанное – деньги, что ли, все?

Тимофей. Нет, внизу еще полсумки золота. И я ж виноват остался!

Катерина. Чего их таскать – из угла в угол, спрятать надо.

Сват (*подходит к сумке*). Сидел, говорите? Ну, тогда он знает, как их добывать, обученный.

Катерина. А как?

Сват. Что, телевизор не смотрите? Свяжут, поставят утюг на голое брюхо, включают, а сами тут же, твой же чаек попивают. И вот как горелым-то запахнет, так ты не только какие есть у тебя, а каких и не видел сроду отдашь. Вот так-то они теперь добываются! И вам теперь есть о чем задуматься, в вашей деревне молодежь тоже такие картины видела.

Бабка. Ничего не поняла. Ну ладно, деньги, а зачем еще утюг какой-то, да еще на брюхо?

Тимофей. Во, еще и бабку теперь обучи этому.

Катерина. Так и правда: вся деревня сидит зубами щелкает, а мы... Ну-ка, скорей ее с глаз долой. (*Уносит сумку.*)

Сват, о чем-то глубоко задумавшись, то заходит в бывшую «гостиницу» и сидит там на кровати, то снова выходит.

Бабка. Хоть и спрячешь, а спать теперь как будем? Ведь это же не придумаешь – такая сумка, да еще какое-то золото.

Катерина. Какое золото, слушай его побольше! У нас вообще, кроме сумки денег, ничего нет. (*На Тимофея.*) Вот ненормальный-то, несет чего зря, а сват еще, правда, подумает про какое-то золото. Тут теперь без

золота не знаешь что делать, если он их в самый что ни на есть светлый день по всей улице прокатил.

Тимофей. Я вот счас саму тебя посажу на тележку эту и прокачу по всей улице, чтоб увидела, как мне идти было.

Катерина. А сколько этих, освободились которые, ведь они же никто нигде не работают, пьют, да только смотрят где бы чего. а тут у всех на виду мешками, тележками, это кто ж такое стерпит? Да еще пересчитал, наверно, три раза у всех на глазах, чтоб лучше запомнили.

Тимофей. Каких три? Я же сказал тебе – даже и не видел, сколько она мне кинула.

Катерина. Во-во, правильно. Зачем, мол, я их считать буду? Нам, мол, их столько приходит через каждые два дня, что и считать перестали.

Тимофей. Давай, забирай их все и неси, сдавай на почту. А потом снова получай, как тебе самой нравится.

Катерина. А это не на меня пришло. Моя родня пока что с утюгами не бегают да не подбрасывает потом добрым людям чего не надо.

Тимофей. Что, Колька же теперь и виноват остался?

Катерина. А кто? Кто это нам подкинул? Ну ладно, выслал бы десять, ну пусть даже двадцать тысяч, народ бы еще стерпел, но так не тележку же? Вся деревня сидит на одних пенсиях, а мы... у всех на виду.... Ведь это что ж про нас все теперь сидят думают-то?

Тимофей. Слышь, сват, куда мне теперь бежать, пока совсем не загрызла, посоветуй.

Катерина. Во, во, об этом ты и мечтаешь, только этого всю жизнь и добиваешься. Ну так беги, беги к своей разнесчастной Нинульке!

Тимофей. Какой еще Нинульке?

Катерина. А вчера кто кричал, когда со сватом набрался вволю?

Тимофей. А что я кричал?

Катерина. Не помнит он! Вы только поглядите на его глазыньки невинные, ничего не помнит!

Тимофей. Конечно, не помню. Мы же под конец еще самогонку пили, а от нее потом...

Катерина. Мать, бабка, иди-ка сюда, скажи ему, что он вчера кричал, а то он, бедный, и не помнит ничего. Что он кричал-то, куда бежать собрался?

Бабка. Выпей-ка столько, еще не то закричишь.

Катерина (*передразнивая Тимофея*). «Ухожу, ухожу к Нинульке! Она такая несчастная, ее никто не понимает! И пальто твое с воротником унесу ей, она такая бедная!» А она назавтра же и пропила бы это пальто вместе с воротником.

Тимофей. Это кто, я, что ли?

Катерина. Ага, я!

Тимофей. С чего это?

Бабка. С чего, да с телевизора! Смотрите его побольше. (*Садится на стул и о чем-то задумывается.*)

Катерина. И Кольку своего специально подучил подсунуть эту сумку. Чтоб нам всем за нее головы поотрывали, а самому потом спокойно уйти к своей Нинульке.

Тимофей. Ты хоть думай маленько, о чем кричишь-то.

Катерина. А что, не поотрывают, думаешь?

Сват (*входит*). С утюгом-то все еще не приходили? Стемнело, пора бы уж!

Катерина (*на Тимофея*). Вон кто их сюда притащил. С него пусть и спрашивают. Ладно, теперь, нам не выяснять, а садиться да думать надо, чего теперь делать с ними.

Сват. А чего тут думать, сначала надо главное.

Катерина. А что главное?

Сват. Ясно, что – завещание. Сами видите, в каком вы теперь положении: не сегодня так завтра, а завещания нету.

Бабка. Какое завещание, мне что ли? А чего мне делить, одежонка какая – так старухам отдадут.

Сват. Тебя-то вот, может, как раз и помилуют по старости лет, как непригодную, а вот им-то...

Бабка молча выходит на улицу.

Катерина. Да не пужай ты ее, сват. Нашел время для шуточек. Она еще, правда, подумает.

Сват. А какие тут шуточки? Сама же сказала: поотрывают за милую душу. Так что пока еще не полезли в окошко...

Тимофей (*Свату*). Чего ты тут хлопчешь, добиваешься?

Сват. Так завещания. А то на суды-то потом сколько уйдет. А сынок ваш мне каким-никаким, а зятем приходится. С таким капиталом – да без завещания? В городе вон на каждом углу милиция и то подряд пукают да пшикают, а уж тут-то им тьфу, игра-забава...

Тимофей. Не бойсь, ты же с ружьем приехал, отстреляемся.

Сват. Э нет, про мое ружье забудь. Чтоб меня потом по судам таскали до старости? Я здесь лицо постороннее.

Катерина. Так ведь это вам не шуточки. Тут вон недавно залезли да из-за пенсии деда с бабкой порешили, а уж из-за тележки-то...

Тимофей. Ну, а что нам теперь, кругами бегать? Залезут, так залезут. Нет, так еще лучше.

Катерина. Правильно, сват, главное завещание написать, а там уже и легче, там оно самой пойдет.

Входит Бабка.

Бабка. Сказала. К соседям забежала, а уж они теперь другим передадут.

Катерина. Что передадут?

Бабка. Да что все деньги не настоящие, а эти... фальшивые, это уж они сами назвали, вся тележка. А золото, сказала, у нас теперь вообще нет, все отдали, как есть все!

Катерина (*машинально*). Кому?

Бабка (*указывая на Свата*). А вот ему. Он, мол, эту сумку с золотом завтра зачем-то в город повезет.

Все молча смотрят на Бабку.

Опять не так, что ли?

Катерина. (*начинает быстро ходить по комнате*). Да нет, все так! Как же еще иначе-то быть может? Когда ж это ты да чтобы чего не так сказала, не так сделала? Вы же с сынком своим разлюбезным всю жизнь так все делаете, что люди потом только дивятся да охают от удивления! (*Подбежав к Бабке и сделав что-то вроде поклона.*) Ну, спасибо тебе! (*Кланяясь ниже.*) Ну, еще спасибо! (*Сделав круг по комнате, кланяется совсем низко.*) Да нет уж, чего там, еще спасибо, совсем спасибо, уж не знаю, как и отблагодарить!

Бабка. Чего уж совсем-то так?

Сват. Погодите, погодите, это как теперь выходит-то?

Катерина. А вот так, сват, так и выходит! Да матушки вы мои заступницы, один на весь свет белый такой, да еще другая! Да это как же я до сих пор сама в могилку-то от них не залезла, как в лес-тайгу-то не убежала, чтоб растерзали там меня звери лютые, как еще хожу-двигаюсь-то, горемычная! Ты хоть понимаешь, что ты натворила? Ты хоть подумала, сколько мы теперь проживем после этого и какими будут наши часы-минуты последние?

Бабка. Какими?

Катерина. Какими! Какими ей, еще и спрашивает! Ты думаешь, у меня язык повернется от ужаса сказать тебе, какими? Вот, вот у человека спроси. Он, ничего худого не думая, рассказал нам какими, а теперь, по твоей милости, с ним самим это делать будут! По твоей милости!

Сват. Погодите, это что у вас тут, шутки старушечьи? Это как мне понимать-то прикажете?

Катерина. А вот так и понимай, сват! По ее милости! Ну, допустим, отдадим мы эти деньги проклятые, а за золото будут пытаться свата безвинного, а ты подумала, как теперь будут называться наши внуки-правнуки?

Бабка. Как?

Катерина. Ведь они же теперь до седьмого колена, до десятого, все до одного фальшивопечатниками окажутся! А как им потом с такой фамилией замуж выйти, на работу устроиться, ты об этом подумала?

Сват. Погодите, какие внуки, какой замуж, когда мне... сегодня же... Да вы что? Я что теперь, по-вашему, из-за старушечьей кляузы пропадать должен?

Катерина. погоди, сват, я ей сама до скажу! *(Бабке.)* Ты хоть знаешь, что теперь уже вся деревня спорит не о том, на чем он их с почты привез, а о том, где у нас станки печатные запрятаны, под баней или под амбаром! Вот что ты наделала своим старушечьим преимуществом!

Бабка. Я им ничего не говорила, где они запрятанные.

Тимофей. Да какие фальшивые, если все видели, как я их с почты вез?

Катерина. Кто тебе теперь эту почту вспоминать будет? Теперь если только слово одно появилось – «фальшивые» - и понесется. А там уж досочинят, допридумают, что ты, людей не знаешь?

Тимофей. А люди что, нас не знают?

Катерина. Знали, пока ты с тележкой своей не прогарцевал по всей улице!

Сват. Вы мне тут!... Вы тут без меня разбирайтесь, где у вас закопано, вы мне объясните, что она про меня сказала!

Катерина. погоди, сват, я ему договорю! *(Тимофею.)* Знали, за добрых людей считали! А теперь, после тележки твоей, ни станкам не удивятся, ни алмазам с золотом. Одному теперь только дивиться будут: как это нас раньше не раскусили, не разнюхали!

Сват. Да что вы мне тут зубы заговариваете? Вы мне объясните, какое у вас, где золото – и я? И мне его будто бы? Да я его в глаза не видел!

Катерина. А это ты у ней спроси. *(Бабке.)* Ты хоть в жизни своей видела хоть кусочек золота? Откуда ты его на свата навешала?

Бабка. Так Тимоха же... Я и сказала, что отдали.

Катерина. Кому? Кому отдали?

Бабка. Ему.

Катерина. Так, а за ним-то куда придут, он-то где находится? От него-то, сколько ни пытай, они ничего не добьются, где он им возьмет твое золото? А не добьются, так и за нас примутся.

Бабка. Ему-то чего бояться, его же никто не знает. Скажет, что, мол, начальник большой или, мол, милиционера знает в городе с наганом, как приедет, мол, да как стрельнет – они и разбегутся, отступятся.

Катерина. Вот и возьми с нее! Милиционера ей... *(На Тимофея.)* Вот, вот чья это трепотня безответственная! А теперь... Ну, а чего теперь сделаешь? Отправить бы его куда, а куда, кто ж согласится?

Бабка. Ну и спрятать тогда его, а мы скажем, что, мол, ушел вместе с золотом.

Катерина. Куда спрятать-то – все равно найдут. А если подальше спрячь – нас же пытать начнут, выдержишь, что ли?

Бабка. Придут-то к нам, туда заходить не будут. А мы скажем, ушел куда-то. Пусть он там в гостинице и прячется.

Катерина. Долго им дверь распахнуть? *(На Тимофея.)* Вот, вот кто! Еще когда художник этот из дурдома кричал, чтоб крючок поставили, так он разве поставит?

Тимофей. А что этот крючок? Пни его сапогом и вырвется.

Катерина. Ну дак так бы они сначала хоть крючок пинали, а теперь сразу убивать начнут. Ой, вот так и живем, сват: одна на тебя какую-то сумку с золотом навесила, а другой даже крючок тебе не забил. Ну да ладно, что с крючком, что без крючка, теперь уж один конец.

Сват. Что крючок? Какой еще крючок? Вы мне своим крючком зубы не затыкайте! Вы мне объясните... И главное спокойно так! Спокойно им. А мне... Это что, сон что ли такой? Или кино какое, представление? Главное – спокойно так, а мне...

Катерина (*Бабке*). О, видишь, как человек перед смертью мается? И все по твоей милости!

Бабка. Ну так я-то думала: если строгий такой, к какому и подойти побоятся, да еще с ружьем.

Сват. (*вдруг начинает жалобно, но горячо убеждать*). Во, правильно, с ружьем! С ружьем я рябчиков пострелять приехал, вы же сами видели, я же сразу сказал. Квартиру там... ну, грибки, ягодки, дочка получила, вы же сами видели. Так и скажите им: с ружьем за рябчиками, а зачем мне золото, какое мне до него дело.

Катерина. То-то и оно, что с ружьем. Докажи теперь, что ты его не золото охранять взял.

Сват. Как охранять?

Тимофей. Да что вы тут все! (*Катерине*.) Чего ты раскаркалась? Еще и не видно никого и не слышно, а она... Может, он еще вообще живой останется и завтра как огурчик будет, а она ему уже гроб заказывает.

Катерина. Ай, и то верно. Бегай не бегай теперь, кричи не кричи, а... спать все равно надо.

Сват. Погодите, как спать? А мне?

Катерина. Тоже ложись. Все равно крючок – что он есть, что его нет. (*Своим*.) Художник-то этот тогда все проволоку с гвоздями требовал, может, и свату дать?!

Тимофей. Что они, гвоздь не вырвут?

Катерина. И то верно. Что с крючком, что с гвоздем, тут уж кому какая судьба написана.

Бабка. Ну и выбросить тогда эту сумку или сжечь, и весь разговор.

Катерина. Ага, кто-то поверит тебе, что сожгли, как же! До последней жилы пытаться будут. Выбросить! Ты вот сначала свое золото теперь выбрось! Ладно, сват, ложись пока, а там видно будет. И мы будем готовиться. *(Закрывает дверь в «гостиницу»).*

Ошеломленный Сват машинально садится на койку и затихает.

(Бабке.) А ты вот натворила, так давай теперь молись хорошенько за нас грешников.

Бабка. А то меня кто-то послушает сейчас, если каждую минуту кричим тут, да ревом друг на дружку. *(Уходит к себе.)*

Катерина. Уж это правда, реветь-то мы мастера. И опять же, попробуй тут не зареви, если будто бы как нарочно, как назло, такое вытворяете. Постель расправлять не буду, так уж, одетыми попеременно придется.

Тимофей, не раздеваясь, ложится на кровать, Катерина делает последнюю приборку перед сном. Молчат.

Тимофей. Уж больше тридцати лет будет.

Катерина. Чему?

Тимофей. Да как женились с тобой.

Катерина. И что? Только сегодня вспомнил, когда приперло?

Тимофей. Так я что, правда кричал, что ли?

Катерина. Кому?

Тимофей. Ну, насчет Нинки?

Катерина. Ага, нарочно! Я тебе теперь этого всю жизнь не забуду, даже и под пытками. Так и знай.

Тимофей. А, правда, бабка говорит, насмотришься этого телевизора...

Катерина. Смотри, как он ловко вывернулся! В голове б не сидело, так не кричал бы.

Тимофей. Надо, видно, чего-то кричать было, а больше-то про что? Одну эту Нинульку и проводил три раза за всю жизнь, остальное все ты.

Катерина. А теперь жалеешь, что провожал мало?

Тимофей. Чего мне жалеть? Мне теперь...

Сват (*выбегает из комнаты.*) Это что ж выходит, вы, значит, тут разные махинации с золотыми запасами, а мне... Это кто ж я теперь оказываюсь перед правосудием? Всю жизнь, считай... и оказался?

Катерина. Ну, а чего теперь сделаешь, если так вышло?

Сват. Вышло! Ничего себе – вышло! Вышло им! Это пусть у вас тут выходит с продолжением, а я пока что... Да нет, чего я так-то б уду, так просто, я еще... я тут кой-кого на светлую воду выведу, я еще... И доберусь! До кой-кого доберусь и еще подальше! Где моя шапка?

Катерина. Да куда ж ты сейчас пойдешь, может, они уже за воротами стоят дожидаются. Да и куда денешься? Ведь они ж тебя теперь из-за этого золота со дня морского достанут.

Сват. Да какое золото?! Вы мне хоть объясните, где у вас тут, какое золото запрятано?

Катерина. Никакого у нас нет.

Сват. Ну так нет, не было, а за что ж тогда меня-то к ногтю должны?

Катерина. У нас нет, потому что все тебе отдали. Поэтому и ищут тебя.

Сват. Да где отдали, чего отдали, вы же сами видели?

Катерина. Мы-то видели, только вот им-то теперь, поди, докажи.

Сват. Кому им-то? Они-то кто такие, вы мне объясните?

Катерина. Кто... Придут некоторые.

Сват. Ну так скажите им тогда, сами же и скажите, что ничего не было.

Катерина. Ага, так они нас и послушали! Если им самим охота, чтоб было, так разве ж докажешь? Ложись, сват, чего теперь говорить, все уж на сто раз переговорено.

Сват. И значит, что мне теперь, спокойно ложиться и дожидаться?

Катерина. Ну так... все ждем. Ты думаешь, нас они потом как свидетелей помилуют?

Сват. А мне на вас!... вы меня в свои махинации не путайте, я пока что фальшивых монет не печатал! Я вообще здесь... Да это что ж такое-то, правда, что ли, сок какой по дурусти, или...

Тимофей. Вот и ложись, сват. Может, и правда приснится чего хорошего. Да и не тронут, может, сонного, если ты во сне лыбиться будешь, не звери же они какие.

Сват. Ага, ты еще и ехидничать? Ну ладно, дай мне только отсюда выбраться, ты у меня потом!... Вы у меня потом!...

Тимофей. Правильно, главное успеть написать завещание, а уж потом... Потом оно все само собой покатится, сам же говорил.

Катерина. Тимофей!

Тимофей. А чего я? Это не я, это он сам говорил. И вот так-то разобраться: бумага, да бумага – да деньги-то эти. А вокруг них все ненормальными становятся. Я так еще на почте сразу дураком стал, а теперь тут все забегали как полоумные.

Сват. На меня же навесили, и я же еще полоумный? Ну, хорошо!
(*Выбегает и захлопывает дверь.*)

Катерина (*Тимофею полушепотом*). Ну, чего ты к нему?

Тимофей. А я ему что? Это он второй день надо мной изгаляется.

Катерина. До этого теперь.

Тимофей. А что делать, выть или завещание сочинять?

Катерина. Да спать лучше.

Тимофей. Попробуй тут засни, не каждый день к такому готовишься.

Сват (*распахнув дверь*). И насчет квартиры разберемся: сколько жена, а сколько муж вложить должен. (*Захлопывает дверь, но снова открывает.*) Это вот я поторопился дочку отдать в притон бандитский!
(*Захлопывает.*)

Катерина в ответ на обвинения только глубоко вздыхает.

Катерина (*Тимофею*). Ладно, ты спи, а я пока погожу. (*Уходит к Бабке.*)

Какое-то время тишина.

Тимофей (вроде бы про себя, но так, чтоб слышал Сват). Вот ведь как оно получается-то, все сходится. И Колька эти деньги утюгом добывал, и с нас их также добывать будут. Да со своими-то они еще ничего, все ж знакомые, а вот с чужими-то, у-у-у, звери! А нас как прижмут, что говорить останется? Деньги вот забирайте, а золото у него – он главный. Но скажу – кремень! Пока наскрозь не прожгешь – ничего не скажет!

Комната Бабки.

Катерина. Затих вроде, да сват-то.

Бабка. Да уж строгий, из сватов Сват.

Молчат...

Катерина. Как подумаешь!...Ведь это ж теперь никогда не кончится, ни днем, ни ночью. Вся деревня тут сидеть будет, а он пьяный кричать, хвастать, да кидаться этими пачками. А так-то разобраться, что ж, не пригодились бы эти деньги, что ли? Танька, вон, с Мишкой без дома, Федьке бы помогли, чтоб сват не ходил тут, да не поучал каждую минуту. Только вот шум-то поднялся по деревне. Надо же, все у нас не по-людски: у других, может, больше того денег этих и сидят, никто про них и знать не знает, а тут раз пришло, и то трясись теперь сиди из-за них. Ты-то совсем, что ли, не боишься?

Бабка. А чего мне бояться – помолилась да и легла. Это вы-то молиться никак не хотите, вам и страхи разные.

Катерина. Не хотите... Тут бы рад, да.... Жизнь, что ли, нашу не видишь?

Бабка. От этого и жизнь такая. Чего лучше-то: или одного Бога бояться и ничего больше, или всего на свете, каждого куста, стука каждого. Я вот тоже окаянная, всю жизнь просуетилась, пробегала. А как Танька-то ушла, да одна осталась, тут и вспомнила. Так раньше помирать собралась, чего больше делать-то, делать-то больше нечего было. А теперь так молю Бога, чтобы мне старой старухе еще дал денечков. Чтоб и за себя отмолить

хоть половинку какую, и за вас за всех, раз уж вы о себе не думаете. А тут еще принесли в избу мешок с чертями.

Катерина. Деньги-то при чем? Если б только умели распорядиться, да не знал никто.

Бабка. Деньги... Деньги пошел, получил, да и обрадовался – заработанные же. Даже и пенсия наша, сколько мы задарма-то работали, теперь вот и отдают. А это какие же деньги сумками, это хальная мамона.

Катерина. Какая еще мамона?

Бабка. Я откуда знаю? Сходи к бабушке, он тебе растолкует.

Катерина. Думала, хоть успокоит маленько, а она какой-то еще мамонной страшает, мало нам тут своих страхов.

Молчат.

Слышала, что вчера-то кричал?

Бабка. Да пьяный, чего возьмешь.

Катерина. А мне пошто-то так обидно стало: всю жизнь, считай, как два коня в упряжке прошли, а он... вспомнил козочку.

Бабка. Да, Катька! Чего ж про нее думать, ее теперь пожалеть только: вон какая девка была, а теперь... Кого ж тут ревновать, в ней не то что женщины, в ней и человека-то не осталось теперь – одно вино. Вот он, видно, вспомнил, да и пожалел по пьянке.

Катерина. Меня так вот не пожалеет.

Бабка. А чего он тебе скажет? Сама знаешь – дня без тебя не проживет.

Катерина (*приосанившись*). Ой, ну ладно! Пойду там наши караулы проверять.

Бабка. Ложитесь да и спите, кто теперь полезет – ночь на дворе.

Катерина. Ладно, сама спи. (*Выходит в большую комнату и подходит к лежащему Тимофею.*) Про кого это ты тут лежишь думаешь?

Тимофей. Про мотоцикл. С такими деньгами я теперь всю поршневую замену.

Катерина. А я тогда себе совсем новое пальто сошью. Уж так и быть – это можешь тащить своей Нинульке.

Тимофей. Да что ты опять...

Катерина (*перебивает*). Все, все, ладно. Еще, может, в последнюю ночь да ругаться будем. Теперь нам только и успевать миловаться, раз такая жизнь пошла.

Тимофей. Теперь заживем! Всю деревню соберу, пусть почувствуют вкус!

Катерина. Во-во! Я только что об этом и говорила.

Тимофей. Ну так, а как? Отметить-то надо, иначе народ не поймет.

Сват (*вбегает*). Вы что ж думаете, я для вашего сынка квартиры должен покупать, когда вы тут куда деньги девать не знаете?

Тимофей. О, я думал, ты спишь давно, а ты все подсчитываешь?

За окном загремело так, что все вздрогнули.

Катерина. Слышишь?

Тимофей. Собака, наверно.

Катерина. Как она на цепи сюда дотянется?

Тимофей. Кошку какую-нибудь нагнала, она и загремела.

Катерина. А что тогда не мяукала?

Тимофей. Некогда было, видно.

Катерина. Аж вся душа в пятки.

Тимофей. А свату вон все нипочем. Если б еще зубы не стучали, вообще б ничего не заметно было.

Сват, видимо, боясь остаться в одиночестве, садится на стул и затихает.

Катерина. Пойду гляну чего там.

Тимофей. И не боишься?

Катерина. Закричу, так выручать выскочишь. Все равно на двор надо. (*Выходит.*)

Тимофей. Нам бы тоже надо, как, сват, думаешь? Сначала подождем, если ее не поймают... Хотя чего они, дураки, что ли, - бабу ловить? Так завизжит, что волосы дыбом. А ты визжать умеешь? Слышь, сват, визжать, говорю, умеешь? А то я сам-то не умею. А если ты умеешь, тогда и я с тобой выйду, под защитой вроде. Но только чтоб точно, чтоб мне твердо надеяться. Ну-ка, попробуй, покажи.

Катерина (*входит*). Или уж мерещиться теперь стало или правда? Выхожу, а кто-то со двора через забор выпрыгнул.

Тимофей. С утюгом, нет? Не заметила?

Катерина. Смех тебе! Правда, кто-то выпрыгнул. Собака вот только почему не лаяла?

Сват вдруг стал всхлипывать.

Ты чего, сват, чего ты?

Сват. Пусть еще поехидничает, куда мне теперь деться? Все равно никуда не убежишь.

Катерина. Да куда ж бежать-то – ночь на дворе.

Сват. Я и говорю: некуда, пусть уж до конца изгаляется.

Катерина (*Тимофею*). Ты это все, как с цепи сорвался, изверг!

Тимофей. Ладно, изверг, изверг. Может, это я сам со страху.

Сват. В город приехал – ни штанов, ни специальности. Так и крутился все по флигелям да времянкам. Дом-то уж недавно купил, полжизни откладывал, хотя и сейчас возьми: постой-ка весь день на морозе с запчастями этими. Зато квартиру дочке единственной, в которой и сам не мечтал – благоустроенную! Поеду, думаю, сватов обрадую. А как не похвастать, если всю жизнь мечтал, в благоустроенной. А тут...

Катерина (*Тимофею*). Изверг, он и есть изверг! То вчера весь вечер кричал, чуть пальто мое не унес, то сегодня свата до слез доводит за квартиру его. Один только раз в жизни и был человеком, пока со сломанными ногами лежал.

Тимофей. Ладно, сват, кто на дураков, да еще на «богатых» обижается? Пойдем сначала на двор сходим, на звездочки поглядим, может, в последний раз, и – спать. (*Выводит Свата на улицу*).

Бабка (*входит*). Затихли?

Катерина. Да затихли, вроде. А ты, если правда, какой шум будет, не выходи оттуда, спрячься там и сиди.

Мужчины молча возвращаются.

Тимофей (*проводит Свата до кровати и ложится на свою.*) Все, вроде приготовились.

Катерина. Ну, тогда и ложимся. (*Бабке.*) Смотри: иди и не вздумай вылезать оттуда, если чего.

Бабка. Кому-то я будто нужна! И не бойтесь ничего и ложитесь. (*Уходит к себе.*)

Катерина производит последнюю уборку, гасит свет и садится на кровать рядом с затихшим Тимофеем, расчесывая волосы и о чем-то задумавшись. Какое-то время тишина, затем с негромким скрипом расходятся ставни, и в лунном свете в форточке возникает черная голова. Только присмотревшись можно понять, что черной она кажется от натянутой до подбородка вязаной шапочки с прорезями для глаз. Катерина, не отрываясь от окна, трогает за плечо Тимофея.

Катерина (*шепотом*). Тимоша!

Тимофей (*тоже шепотом*). Что?

Катерина. Пришли!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же мизансцена. Тимофей, как и Катерина, не спуская глаз с окна, осторожно встает с кровати.

Маска (*сильно гнусавя*). Ваша изба окружена. У каждого угла по человеку с пистолетом. И еще нас двое. Сопротивление бесполезно. Выносите деньги на завалинку. Сто тысяч. Иначе время пошло. Даю... даем пять минут на размышление. (*Исчезает.*)

Катерина (*полушепотом*). Это кто ж у нас такой гнусавый-то? Или уж какие не наши успели приехать?

Тимофей. Не видишь, специально, чтоб голос не узнали.

Катерина. Вот и дождались. Ну и что?

Тимофей. Ружье-то у него разобранный, сейчас я.

Катерина. (*не пуская его*). Тимоша, не надо. Зачем нам это ружье? Плюнь ты на них, да вынеси.

Тимофей. Ага, обрадовалась. Сиди тут и, если еще появится, кричи, что деньги отсчитываем. Сейчас я.

Катерина. Так и правда, он же всего сто требует, а нам тогда аж пятьдесят останется. Давай отсчитаем да и вынеси.

Тимофей. Делай, что говорю! Сиди и жди. И кричи как появится. (*Идет к Свату, тормозит его*). Сват, слышь, сват, ружье давай. И патроны.

Сват. Что, как свидетеля, решились все-таки?

Тимофей. Давай скорее, какого еще свидетеля, не видишь – пришли, в окошко лезут.

Сват. Кто?

Тимофей. Гости. Давай, где оно у тебя?

Сват. Вот сумка, все тут. Только меня... Никому не скажу...

Тимофей. А патроны?

Сват. Там же, в боковом. А зачем тебе?

Тимофей. Свет-то включать опасно, не видно ничего. Ладно. А ты тихо тут. Или погоди, лезь лучше под кровать.

Сват. Зачем?

Тимофей. Лезь, говорю. Так сразу увидят, а там, может, и не найдут в горячке. Лезь.

Сват. Кого увидят?

Тимофей. Да лезь, говорю, некогда мне с тобой. *(Почти силой толкает Свата под кровать.)*

Пока Тимофей возится с ружьем и Сватом, в окне снова возникает голова и молча исчезает.

Катерина *(увидев голову, кричит).* Считаем! Отсчитываем! Все сидим считаем! Тимофей, где ты? Снова была!

Бабка *(входит).* Кого вы тут в потемках считать затеяли?

Катерина. Тише ты, не видишь, пришли. Зачем вышла, я же тебе сказала там сидеть.

Бабка. Кто пришли-то?

Катерина. Черный, с головой, иди к себе, спрячься.

Бабка. Так если пришли...

Тимофей *(входит).* Иди, это они тебя ищут.

Бабка. А я им зачем?

Тимофей. А кто бегал обманывал, что фальшивые? Скажем, что ушла куда-то, а нас они не тронут, иди.

Бабка. Катька, чего делать-то?

Катерина. Говорят же тебе, иди и спрячься.

Бабка. Ну и хоть бы фальшивые, а чего на старуху-то обижаться?

Катерина. Иди, иди, мы тут сами.

Бабка. Мало ли что старуха скажет. *(Уходит.)*

Тимофей. Патроны-то с чем у него, не спросил. Если картечь, так наповал сразу. Ничего! Сами лезут...

Катерина. Тимофей, брось его лучше, да вынесем.

Тимофей *(заряжая).* Ага, погремушками детскими их встречать буду.

Катерина (*кричит*). Считаем! Ну останется же пятьдесят, и хватит нам. А за ружье потом, да если убьешь еще.. (*Кричит.*) Считаем! (*Тимофею.*) Отсчитай лучше быстрее, да вынеси.

Тимофей. Ага, сейчас, руки подниму да пойду.

Катерина. Я сама, сама вынесу, ты только не встречай.

Тимофей. Ага, сегодня им деньги вынеси, завтра корову выведи, послезавтра бабу, а там и до мотоцикла доберутся? Нет уж!

Катерина. Все равно не дам стрелять.

Тимофей. Сказал же тебе – им только раз попустишь! Ты думаешь, завтра они за остальными не придут?

Катерина. Только не стреляй! Застрелишь, а мы потом как одни будем? Мать, иди сюда.

Входит Бабка.

Не давай ему стрелять, а то он меня не слушает.

Тимофей. Зачем ты ее сюда, может, стрельба начнется.

Катерина. А вот ты и не стреляй.

Бабка. Так, а где они, что пришли-то? Ну и отдайте им сумку эту, все равно же жечь хотели? А теперь и жечь не надо, раз сами пришли.

Тимофей. Уж лучше сожжем. (*Бабке.*) Иди к себе, а то увидят, что ты здесь, еще больше разозлятся. А так, может, постоят и уйдут. Иди.

Бабка. Катька, чего делать-то?

Катерина. Иди, только чтоб он не стрелял, скажи.

Снова возникает голова в маске. Тимофей поднимает ружье, но Катерина хватается за ствол.

Тимофей. Да ты что, заряженное!

Катерина. Не дам, хоть меня убей, не дам!

Маска. Время прошло, если не вынесете, у нас четыре канистры, поджигаем с четырех концов. (*Исчезает.*)

Катерина. Слышишь? *(Кричит.)* все, выносим, одеваемся! *(Тимофею.)* Ты что, хочешь чтоб из-за этих денег твоих поганых дом сожгли? *(Кричит.)* Уже обуваемся!

Тимофей. Ладно, не было б вас тут...

Катерина *(выносит сумку).* Неси!

Тимофей. Он же сто говорил?

Катерина. Да черт с ними, пока не загорелось. Неси!

Тимофей. Нет уж, я отсюда маленько выложу. *(Выкладывает деньги.)*

Катерина *(кричит).* Несем, уже замки открываем! *(Тимофею.)* А если не хватит, снова придут потом?

Тимофей. А если лишнего отдадим? Сама же потом загрызешь меня, когда опомнишься.

Бабка. Ты им сначала отдай, а потом как стрельни, чтоб знали в другой раз как пужать.

Катерина. Давай я сама вынесу, а то ты там еще, правда, схватишься с ними.

Тимофей. Ага, бабой буду прикрываться.

В окне снова появляется голова. Или от нетерпения, или просто забывшись, говорит нормальным голосом.

Маска. Все, одна минута и отвинчиваем канистру!

Катерина. *(встрепенувшись).* Погоди-ка, погоди-ка, погоди... *(Вдруг быстро выбегает на улицу.)*

Тимофей. Ты куда... *(Кидается за ней.)*

Бабка. Сумку-то, сумку забыли. *(Берет сумку и идет с ней к двери.)*
За окном слышны возгласы, возня, затем Тимофей и Катерина вталкивают в дом человека в маске.

Катерина. Ну-ка, ну-ка, не цепляйся, все равно стащим да увидим морду твою бесстыжую. Уж твой-то голосок, зятек разлюбезный, как не гнусавь, я из всех узнаю.

Пойманный снимает шапочку и оказывается Михаилом.

Михаил. Да куда ж теперь денешься. Ну, мать, пальцы-то у тебя железные, что ли? Никак не мог вырваться. Здорово, батя!

Протягивает руку, но Тимофей молча бьет его.

Правильно, батя. Сам бы так же поступил: делаешь, так не попадайся, а попался, так отвечай. Верно, мать? Замерз как собака. Но денег-то мне, правда, надо было. Так, думаю, еще дадут или не дадут, ну а если вот так, думаю, все равно вынесете. Вам-то их куда все? А мне точно надо. Батя, может, сто грамм? Замерз, чуть совсем не околел. Если нет, я сам сбегаю.

Тимофей. Сбегай. Только сначала... *(Еще раз бьет Михаила.)*

Бабка. Тимоха, ты что?

Михаил. Все, батя, уже понял.

Тимофей. Пусть скорей бежит. А то трезвый еще убью его, отвечай потом. *(Поднимает с пола пачку денег и дает Михаилу.)* Бери, да быстрей.

Катерина *(вырывает пачку у Михаила).* Что, совсем уже? Раскидался! *(Отсчитывает несколько бумажек и дает Михаилу.)*

Михаил. Все понял, мигом! *(Убегает.)*

Бабка. Это Мишка-то откуда взялся? Зачем ты его бил-то? А разбойники где, за деньгами которые?

Тимофей. Тебя искать побежали, мы им сказали, что дома нет.

Бабка. А где они теперь меня найдут? Ничего у вас не поймешь.

Тимофей. Все, мать, кончилось. Победу будем праздновать да врагов судить.

Катерина. Так ведь это и не подумаешь и не придумаешь.

Тимофей. Что?

Катерина. Да Мишка-то.

Тимофей. Лучше, если б настоящие пришли?

Катерина. Да уж лучше б.

Бабка. А сумка-то эта опять, что ли, у нас останется? Тогда завтра снова придут, и будет так каждую ночь.

Катерина. И, правда, разбросались тут. (*Собирает пачки в сумку и уносит.*)

Тимофей. Погоди, про свата-то забыли, так и сидит там под кроватью. (*Идет в «гостиницу» и заглядывает под кровать.*) Спит. Ты гляди, каким бедовым оказался: все ему нипочем, посыпает...

Катерина. Это бывает так, засыпают с большого страха. Ну и не буди. Хотя остынет же еще на полу-то, все равно на постель уложить надо.

Тимофей. Сват, слышь, сват, вылазь, война кончилась.

Сват (*из-под кровати*). Что? Куда?

Тимофей. Вылазь, говорю. А то скажешь потом, что объехидничали всего, да еще ночевать под кровать затолкали.

Сват (*вылезает*). И что?

Тимофей. Нормально, поймали.

Сват. Где?

Тимофей. А он уже за бутылкой побежал. Пошли.

Вбегают Михаил.

Михаил. Батя, исполнил, как приказано. Чего, говорят, одну берешь на такие-то капиталы, а я им: делить будем, а это только на трезвую голову. Вот когда разделим, говорю, тогда уж тележками повезем.

Катерина. Да уж теперь у нас, видно, все только тележками будет, а горя так и целый воз наберется.

Тимофей. Садись, сват, хоть отдохнем с устатку. Катерина, дай нам там чего-нибудь. Ну, а свату его любимый грибок поганенький. Шучу, сват, не обижайся.

Катерина. Так это что у нас теперь, ни дня ни ночи не будет, одни праздники?

Тимофей. Ну, сегодня-то мы первый день такие, новые. Да еще столько сделали, Мишку вон даже победили. (*Тише, мужчинам.*) Ну, а потом уж так будем, по углам, да по закраинкам.

Катерина вносит и ставит на стол закуску. Не выдержав, дает Михаилу подзатыльник.

Катерина. Кричала тут из-за него как дурочка, надрывалась: «одеваемся, обуваемся...», думала, кто путние пришли, а он сидит теперь тут, еще и лыбится.

Михаил. Повинной голове, как говорится, и рюмку не жалко, верно, батя?

Тимофей. Голове... Ты вон ей скажи спасибо, не дала стрельнуть. А то б теперь и сам не узнал своей головы. (*Свату.*) Вот он, сват, главный грабежник-то. Еще и тебя под кровать загнал. А ты говоришь, деньги даром достаются. Ну, давайте поднимем за хозяйку, которая грудью бросилась, а сумку отстояла.

Пьют.

Катерина. Нужна мне твоя сумка. В другой раз вообще уйдем с бабкой, а тебя тут с твоей любимой сумкой оставим, делай, что хочешь.

Тимофей. Ага, любимой... А кто меня за ней на почту выталкивал?

Катерина. Знать бы что так, дак...

Тимофей. То-то! А раз любишь, так, как говорится, люби и саночки! А то дай им деньги, да чтоб еще и не побеспокоил никто, так не бывает, верно, сват?

Сват. Присмотру они требуют.

Тимофей. Зато теперь, как говорил, будет: и апельсины с лимонами и что там еще, все будет. Главное - отстояли, не дрогнули. (*Михаилу.*) А чего сразу-то не лез, бегал там под окошками?

Михаил. А тут, батя, психика. Одно дело, когда вы не спите, да готовые, а другое дело, когда со сна. Вот я и ждал, когда уляжетесь. Да только замерз, терпения не хватило.

Катерина. Так надо же, чуть, правда, ему все не вынесли.

Михаил. Э, нет, не все, мать, я по-честному: мне сто, а вам аж пятьдесят остальные.

Катерина. И вынесли бы, если б он прогнусавить не забыл.

Михаил. Сам теперь локти кусаю.

Тимофей. Вишь, сват, как тонко теперь все держится-то: три слова забыл прогнусавить и все потерял. (*Катерине.*) Хоть маленько-то присядь с нами.

Катерина. Ага, на него глядеть, да радоваться?

Тимофей. (*разливая.*) Зачем тогда спасала? Не дала стрелнуть, так вот и гляди теперь на него. А мне так еще наливать ему приходится. Давайте, все живые, и то ладно.

Пьют.

Михаил. А на похоронках сколько сэкономили, подсчитайте-ка? Да и живой-то я, может, еще лучше мертвого.

Катерина. Уж лучше совсем тебя не видеть – ни живого, ни мертвого.

Тимофей. Ладно, чего теперь.... Да и сват вон заскучал. Ничего, сват, вот откопаем свои станки, допечатаем на этих деньгах, какого там знака не хватает, и сразу же с тобой рассчитаемся.

Катерина. Но снова да ладом начинай... Вроде опять стучат кто-то

Тимофей. Пусть попробуют! Вон нас теперь сколько, да еще выпимши, да еще сват теперь опыту поднабрался – сами у кого хошь отберем!

Катерина. Ну так все равно стучат.

Тимофей. Может, подручные? (*Свату.*) Мы тут, когда большие-то партии приходят, сами не успеваем допечатывать, вот и приходится нанимать подручных. Ну, а потом их ликвидируем, конечно, чтоб не рассказали. Мишка вот и сидит на этой должности – ликвидирует.

Катерина. Да перестань, надоел. Встречай иди.

Тимофей. Ты же у нас самая храбрая, вот и погляди.

Катерина. У меня еще с той храбрости ноги трясутся, идите, смотрите.

Михаил. Я сбегаю, гляну, кто это там мое место занял. (*Выбегает.*)

Тимофей. А к стукам, что сделаешь – привыкать надо. Теперь наша изба, как это... популярная, на всю деревню. Люди потянутся, всем охота научиться, чтоб вот так и сразу! (*Свату.*) А ты говоришь, замшелая!

Входят Михаил и Таня.

Таня. Здравствуйте. Так и подумала, что он уже здесь ошивается, считать помогает.

Катерина. Он нам тут уже помог. Так помог, что водкой сидим вот теперь отпаиваемся...

Тимофей. (*одергивает жену.*) Катерина! Проходи, садись, дочка, подсчитывать будем, какие вам обновки требуются.

Таня. Сейчас, пап. (*Михаилу.*) Что ты здесь? Чего он, мам?

Михаил. Ничего. Еще думаю, полезет кто-нибудь, такие деньги, так уж лучше сам.

Таня. Что «сам»?

Михаил. Ну, покараулю, помочь чего-нибудь.

Тимофей. Что ты тут сразу допросы, садись, говорю.

Таня. Вы мне скажите, что он здесь сделал?

Бабка (*входит*). Танька, что ли? А я слышу, вроде... Ты куда подевалась-то? Сколь дней не заходишь, а девчонка где?

Таня. Спит.

Катерина (*женщинам*). Ладно, пойдете туда. Еще глядеть тут на них, на ночь глядя.

Уходят в комнату Бабки.

Тимофей. А мы тогда, пока спокойно, давайте еще по одной. Наливай, зятек.

Михаил. Спасибо, батя. Правда, нужны мне деньги.

Тимофей. Зачем?

Михаил. Зачем... Ни работы, ни копейки. Поэтому она на меня так и...

Тимофей. Поэтому... А может, не поэтому? Чего ты все наизнанку выворачиваешься, думаешь, оттуда ты лучше, что ли?

Михаил. Ничего я не выворачиваюсь. А доказать все равно докажу. А то она меня и за человека не считает, будто я кладовщик какой.

Тимофей. А кто ты есть тогда?

Михаил. Я коммерсант, и докажу еще. Я ее еще на Майорку свожу.

Тимофей. Куда, куда?

Михаил. Остров такой, туда только самых богатых пускают.

Тимофей. Богатых... ты хоть нормальным стань, и она тогда другому может. На цветочках он прожить думал. Ондатры теперь какие-то, в подполье что ли, разводиться собрался?

Михаил. Почему в подполье, в пруду.

Тимофей. А пруд где, на крыше сделаешь? Ладно, давай сбегай пока. Да бери три сразу. *(Вынимает пачку денег.)* Себе-то я, не будь дураком, припрятал, а то попробуй потом, выпроси. А если спрашивать начнет, откуда деньги взяли – с тележки, мол, выпали, а мы нашли, да подобрали. *(Протягивает руку.)* Э нет, правильно Катерина говорит, тут тебе и половины хватит. *(Отдает полпачки.)* Да бери там самую лучшую, чтоб горела, при них же и попробуй, подожди на столе.

Михаил. Понял, батя! Чтоб все горело синим пламенем. Ты мне эту должность насовсем отдай? Все, побежал я. *(Убегает.)*

Тимофей. Вот она теперь какая жизнь-то пошла, сват. Теперь нам не то что там на небо, на солнышко, теперь нам и на телевизор некогда поглядеть будет.

В комнате Бабки.

Таня. Так что он тут, мам?

Катерина. Да чего теперь об этом.

Таня. Ну так что, чего он сделал-то?

Катерина. Пошутить решил. Батяка этой шутки не понял да и зазвездил ему. Ладно про это, чего не приходила-то?

Таня. Они же тогда поругались с папкой, а он потом сказал, будто вы передали, чтоб вообще больше ничего не просили и не приходили даже.

Катерина. Как это не приходили? Никто и не думал ничего говорить такого. А поругались... поругаешься тут! Чего он тогда опять от Тимофея требовал-то, уж и забыла, а тот, видно, ему и сказал, не выдержал. А того, чтоб не приходили!...

Таня. Но он же на каждом шагу врет, через каждое слово.

Катерина. Надо же, за что только не возьмется, не схватится – все у него наперекосяк. С ондатрами какими-то теперь бегают, море копать хочет.

Бабка. А где он будто хочет копать эту морю-то?

Катерина. Где, да на задах.

Бабка. А картошку потом как же, покос где?

Катерина. Вот все и уйдет в это море. А картошку у нас копать будет, по ночам. Откуда у него только все это в голове-то берется?

Бабка. Откуда... А родова? *(Тане.)* Как ты только там живешь-то с ними.

Катерина. Вот, раз уж пришла эта оказия, на нее и надо дом построить. Только деньги не ему отдавать, он их быстро куда-нибудь, а самим строить. *(Тане.)* И на тебя записать. Пусть потом вроде бы как в зятьях живет, чтоб в случае чего и на порог указать можно было.

Бабка. А кто строить-то будет, Тимоха, что ли? Он теперь разве что из пустых бутылок построит. Да хоть и Федьке отправишь деньги эти. Ну купят так коров да этажерок разных, а деньги-то кончатся, а им-то еще охота будет, если распробовали, а где взять? Вот и будут потом вечно обиженные, да все у них виноватые. Уж лучше совсем не приступать к этому богатству.

Таня. Да он только об этом и думает! Втемяшил себе, что надо все как в телевизоре, и ничего больше ему не докажешь. Как увидит там что-нибудь «шикарное», так сразу глаза загорятся как у ненормального, даже страшно становится. А когда про деньги ваши узнал, вообще чуть с ума не сошел: весь вечер из угла в угол бегал, а к ночи вообще исчез куда-то.

Бабка. А ты и скажи ему, что не надо тебе никаких капиталов, пусть только вас с дочкой жалеет.

Таня. А то я ему не говорила!

Бабка. Так он чего будто хочет-то?

Таня. Жить как эти... как в кино чтобы: ездить всюду, да отдыхать, да чтобы... швейцары разные в гостиницах! Здесь за дурачка считают, зато там чтобы! Говорю же: придурок телевизорный!

Бабка. А куда будто зачем ехать-то? Ну и там, наверно, люди живут, да работают, как без работы-то проживешь, если ездить все время? На что жить-то будешь?

Таня. Я на почте узнавала: обещали взять почтальонкой. Маринку тогда к вам приводить придется.

Бабка. Ну и приводи, куда ж еще-то? Хоть сколько-то платить будут.

Катерина (Тане). Это он все тебе доказать хочет, какой он удалый да грамотный, вот и попробуй с ним как-то поласковой, а то ты уж совсем на него, он и бесится. А ты будешь помягче, и он, может, маленько успокоится.

Таня. Да не из-за меня он, мам, ты думаешь, я не пробовала? Хоть какой с ним будь, а что сделаешь, если он ненормальный? Баба вот тоже ничего теперь не понимает в жизни, так ей и не надо, зачем ей все это понимать? А он-то ребенка имеет, а сам все только деньги, да «шикарно» в голове, а по-нормальному жить уже не может. Теперь вот еще читает все, готовится, чтоб по телевизору миллион выиграть. Я-то что сделаю, если он сам такой?

Катерина. Вот дурочка-то раньше была тоже: найти бы какой кошелек полный, думаешь, или там чего выиграть, вот бы зажили-то! Да теперь все бы отдала, чтоб только ни кошельков, ни этих сумок поганных! Вы ведь только представьте, что дальше-то будет! Раньше заикнется про эту бутылку, «нету денег!» - да и отстал. А сейчас!... Ведь это трезвый он человек, а на пьяного-то на него глядеть все время! Хоть совсем убегай, куда глаза глядят! Так-то разобраться, чего нам уж шибко не хватало? Он бы как-

нибудь переставил на своем мотоцикле карбюратор или что там еще, и бегал бы радовался не хуже парнишки семилетнего. А теперь...

Застолье. Все сильно опьянели, особенно Сват, с каким-то даже подобострастием заглядывающий в глаза Тимофею и во всем старающийся ему угодить. Михаил с пьяным упорством о чем-то усиленно думает. Тимофей благодушен. Это та стадия опьянения, когда тянет порассуждать.

Сват. Никто ведь мне во всю жизнь бутылки не поставил, все сам, все один. Намерзнешься когда сильно, возьмешь и сидишь вечером опять же один. А сейчас!...

Тимофей. Горемыка ты, сват! Да еще и под бабьим воздействием. Но ничего, проживешь тут, наберешься опыта, так когда вернешься потом домой, баба и не узнает. Вообще, скажу тебе, когда сидишь вот так за столом, или еще где-нибудь, так лучше чтоб они, бабы, подальше были, за занавеской хотя бы. А рядом, да если еще с похмелья когда, так нет, лучше я лишний раз мотоцикл переберу. Опять же, если совсем без них – пропадешь: оставить-то некому, и пойдешь как с горы крутой, пока ноги не отлетят, не остановишься.

Сват. Не, я с горы.... Еще маленький помню: побежал, а как остановиться-то? И падать страшно с разбегу.

Тимофей. А тебе надо было в сторонку, постепенно так в сторонку сворачивать, не вниз, а вдоль, вдоль горы. Сам собой и остановился бы. Хотя это рассуждать хорошо, а самому-то, как понесет – я уж знаю! А лучше так вообще в гору. Это кто не знает, думает, под гору легче, а кто пробовал-то – все ноги повыламывает. А тут – лезь потихоньку, и баба довольная и сам вроде как умней становишься. А ты вишь какой горячий, так до самого низу и пробежал?

Сват. До самого. Уже на ровном месте упал-то.

Тимофей. Ишь как тебя еще с малолетства растрясло. Вот ты с тех пор, видно, и лег на брюхо – и не вниз и не вверх.

Михаил. Да я хоть с самой вершины пробегу и ничего не сделается.

Тимофей. Зачем?

Михаил. Докажу. Что пробегу и ничего не сделается. И вообще, батя, я вот тут подсчитал – тридцати все равно не хватит. Даже если оранжерею продам. Потому что сначала-то я думал ондатров, а потом прочитал, что они крысы оказывается, только водяные. А я что, крысолов, что ли?

Тимофей. А кто ты?

Михаил. Еще узнаете кто. Так вот теперь я туда бобов пущу. Это, оказывается, такие звери... даже не звери, а... Представляешь, они даже дома строят.

Сват. С удобствами?

Михаил. Зачем им удобства, они и так в воде живут.

Тимофей. Так ты строить хочешь?

Михаил. Зачем я-то? Они сами построят.

Тимофей. Бригаду из них хочешь, что ли, как шабашников, или зачем?

Михаил. Зачем бригаду, ты не понял, батя. У них же шкура главное-то! Раньше только самые богатые носили.

Тимофей (*долго молча смотрит на Михаила*). Вот за что тебя не любят, Мишка, даже бабка наша – весь ты такой!

Михаил. А что я?

Тимофей. Да вот даже это взять: они, значит, тебе дом построят, а ты с них за это шкуру сдерешь?

Михаил. Ну так шкура-то у них и есть главное!

Тимофей (*демонстративно отвернувшись от Михаила*). Эх, сват, вроде и разбогатели, а не весело.

Сват. Погоди, все только начинается!

Михаил. Батя, но ты хоть покажи?

Тимофей. Чего?

Михаил. Ну, деньги-то. Сразу столько никогда не видел.

Тимофей. А зачем видеть?

Михаил. Как зачем? Вообще, для стимула.

Тимофей. Для чего?

Михаил. Ну, самому чтоб так же потом. Стараться.

Тимофей. Ну, если стараться... *(Кричит.)* Катерина!

Катерина *(входит)*. Чего вам тут еще не хватает?

Тимофей. Покажи Мишке сумку. Для стимула.

Катерина. А еще для чего потребуете?

Тимофей. Что, ругаться будем из-за этого? Сама же говорила – миловаться надо, раз такая жизнь пошла.

Катерина. Да пошел ты сам, вместе с такой жизнью! *(Выносит и швыряет сумку с деньгами.)* Хоть подавитесь тут ими, хоть запейтесь, а меня больше не трожь! *(Уходит.)*

Тимофей. Хм... Сердитая.

Михаил. *(подбежав к сумке, перебирает пачки.)* Вот это я понимаю! Батя, да вы же сами не представляете, что это такое. Да на них же... Да если б у меня было, я бы...

Тимофей. Ну и что? С майорами плясал бы?

Михаил. Да это же деньги, деньги, как ты не поймешь-то!

Сват *(тоже подходит к сумке)*. Нет, это уже не деньги. Это такая вещь – дензнаком называется. Вот у кого они есть, столько или несколько таких куч, так на том словно бы знак такой поставлен: и не видно, а все его видят! И все уважают, и все расступаются, и все кланяются. Вот что такое эта сумка значит.

Михаил. Все, она все значит, с нее все и начнется! А потом у меня таких, знаете, сколько будет? Весь дом заставлю, весь амбар, все подполье с погребом заложу такими! Батя, ты же сам не знаешь, что ты сделал! Дай я тебе поклонюсь!

Тимофей. Зачем мне? Раз так любишь сумку эту, ей и кланяйся. А она тебе за это пачку даст.

Михаил. Да я тогда!... Хоть сто раз! (*Упав на колени перед сумкой, кланяется.*) Кланяюсь тебе, кланяюсь, еще кланяюсь! Чтоб ты за собой еще пять, нет – десять, сто таких привела, да с валютой, с валютой! Батя, а хочешь перед ней спляшу... за две пачки?

Тимофей. Пляши, только чтоб весело было.

Михаил начинает бегать вокруг сумки, выделывая разные колена. Сват тоже выбежал из-за стола и семенит за Михаилом притоптывая. На шум выходят женщины и молча смотрят на беснующихся Михаила и Свата.

Михаил (*снова упав на колени перед сумкой*) Да я тебе еще сто раз поклонюсь, только приведи еще за собой, приведи!

Бабка. Мишка, да это что ж ты только делаешь-то? Ведь это же все не просто так, ведь ты же и от Бога, и от семьи, и от всего отрекаешься, как ты потом жить-то будешь?

Михаил. Это с ними-то как? Да с ними... это же крылья, бабка, куда захотел, туда и лети! Да если б мне только эти крылья дали...

Таня, не выдержав, убегает за занавеску. Бабка уходит следом за ней. Катерина, обведя долгим тяжелым взглядом пьяных мужчин, уходит последней.

Чего они понимают, батя? «Как жить будешь...» Вот теперь-то мы и будем жить. Что заскучал-то, батя? Да не слушай ты их! А хочешь, я...

Тимофей (*перебивает*). А ну-ка давайте выпьем. А то у меня чего-то (*показывает на свою голову*) здесь еще не затихло.

Михаил со Сватом быстро садятся за стол. Тимофей наливает себе полный стакан и молча, не чокаясь, выпивает.

Михаил (*налив себе, встает, показывает на сумку*). За того, кто нам предоставил вот это! И чтобы оправдать его доверие! (*Пьет.*)

Сват (*тоже наливает себе, встает*). И чтобы всегда с удобствами жить... и помереть даже! (*Пьет.*)

В комнатке Бабки. Таня, сжавшись в комочек, забила в угол бабкиной кровати. Катерина с невидящим взглядом застыла на стуле.

Бабка тоже молча застыла посреди комнатки. Из большой комнаты доносятся выкрики мужчин.

Голос Тимофея. Всю улицу скупим и никому по ней пройти не дадим – гулять будем!

Голос Свата. А если кто поедет – пить заставим?

Голос Михаила. Не, мы шлагбаум поставим, а кому проехать надо – плати валютой!

Таня. Завтра же... Сегодня же утром заберу Маринку, и все.

Бабка. Вот и еще одной сиротой на свете больше будет.

Голос Тимофея. Дворец построим и всю деревню там соберем!

Голос Михаила. А вокруг море! Чтоб на острове, как на Канарах!

Голос Свата. Да с рыбой, да с лебедями, чтоб живая закуска плавала!

Бабка встает перед иконой и начинает молиться.

Бабка. Господи! Прости Ты нас, грешников окаянных! Сами не ведаем, что творим. Но не со зла делаем, Господи, а по дурости нашей.

Пошатываясь, входит Тимофей, обводит всех мутным взглядом.

Не давай Ты нам пока, Господи, ни денег этих, ни золота, а вразуми светом Твоего Разума. А уж когда вразумишь, войдем в ум, да возьмем каждый крест свой, тогда уж пытай нас, Господи, и голодом и золотом.

Какое-то время слышны крики все еще веселящихся Михаила и Свата, но постепенно все пространство заполняет льющаяся откуда-то сверху музыка.

ЗАНАВЕС